

УДК 81'25
doi 10.17072/2073-6681-2026-1-25-34
<https://elibrary.ru/wijgqk>

EDN WIJGQK

Креативность как характеристика переводческого решения

Воюцкая Александра Анатольевна

к. филол. н., доцент кафедры теории и методологии перевода

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. vaniteuse@inbox.ru

SPIN-код: 2661-9905

Статья поступила в редакцию 13.08.2025

Одобрена после рецензирования 27.10.2025

Принята к публикации 10.11.2025

Информация для цитирования

Воюцкая А. А. Креативность как характеристика переводческого решения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 1. С. 25–34. doi 10.17072/2073-6681-2026-1-25-34. EDN WIJGQK

Аннотация. Статья посвящена исследованию креативности как одной из важнейших характеристик переводческого решения. Автор анализирует ключевые концепции переводческой креативности, сложившиеся в зарубежной и отечественной науке, и рассматривает ее через призму процесса принятия решений. В статье рассматриваются такие характеристики креативности, как новизна, адекватность поставленной задаче, факт преодоления препятствия и сближение концептуально далеких элементов. В работе предложена типология переводческих решений, в которой креативное решение занимает место среди наиболее сложных – рефлексивного и конструированного типов. В статье исследуются факторы, влияющие на его принятие: мотивация, целеполагание, опыт переводчика и владение креативными стратегиями. На основе анализа результатов экспериментов, опубликованных в современной научной литературе, автор демонстрирует, что креативные решения меняют свою сложность для переводчика в зависимости от уровня профессионализма и что их можно развивать в процессе обучения. Особое внимание в статье уделяется критическому переосмыслению традиционной оппозиции «вольный – буквальный перевод» как критерия креативности. Автор утверждает, что определение переводческой креативности через подобную дихотомию чрезмерно упрощает понимание переводческого процесса, и предлагает более комплексный подход, учитывающий когнитивные и ситуативные факторы принятия решений. Статья представляет интерес для исследователей перевода, преподавателей, студентов и практикующих переводчиков, поскольку не только систематизирует теоретические подходы к изучению креативности, но и предлагает практические рекомендации для ее развития в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: креативность; переводческое решение; принятие решений; дидактика перевода; лингвистическая категоризация и концептуализация.

Введение

В эпоху стремительного развития искусственного интеллекта и машинного перевода вопрос о роли и уникальности переводчика-человека приобретает особую актуальность. Несмотря на впечатляющие достижения технологий, одно из ключевых отличий профессионального перевод-

чика заключается в способности принимать креативные решения, находя неочевидные, но адекватные решения в условиях межязыковых и межкультурных различий. Именно креативность остается той сферой, где искусственный интеллект пока не может полностью заменить человека. Настоящее исследование посвящено анализу

креативности как характеристики переводческого решения. В работе рассматриваются механизмы, лежащие в основе принятия креативных решений, с целью совершенствования подготовки переводчиков, способных эффективно конкурировать с машинными системами.

Краткий обзор исследований переводческой креативности

Систематические и целенаправленные исследования креативности начались в XX в. Наиболее значимый вклад в изучение креативности внесли Г. Уоллес (выявление 4 стадий креативного процесса); В. Келер и М. Вертхаймер (выделение аспектов, связанных с восприятием); А. Осборн (описание структуры процесса генерирования идей); Д. Гилфорд (формулирование концепции «дивергентного мышления»); А. Кестлер (исследование способов создания новых идей); Э. Торранс (измерение и оценка креативности); М. Роудс (построение первой модели креативности); У. Гордон и Д. Принс (разработка метода стимулирования креативности – синектики); Д. Боган и Р. Сперри (проведение нейрофизиологических исследований креативности); Э. де Боно (создание концепции «латерального» мышления); Т. Амабайл (разработка трехкомпонентной модели креативности, включающей внутренние и внешние факторы, влияющие на креативность); К. Робинсон (исследование креативного потенциала и роли образования) и др. [Мороз 2016: 35–37].

В теории перевода систематическим исследованиям креативности долгое время не отводилось места. В работе Й. Балаческу и Б. Штефанинка (2003) представлен подробный анализ причин, уводивших теорию перевода в сторону от изучения проблем креативности вплоть до конца XIX в. Лингвистическая доминанта в переводе, зарождение идеи автоматического перевода и понимание перевода как криптографической проблемы привели к формированию такой парадигмы переводоведения, в которой исходный текст (ИТ) понимался как набор означаемых, заключенный в языковые структуры исходного языка (ИЯ), который необходимо выразить на языке перевода (ПЯ); креативность рассматривалась при этом исключительно в контексте поэтического перевода в рамках дихотомии «верность – неверность». Изучение проблем перевода в рамках сопоставительной стилистики, отошедшей от «слова» как основной единицы перевода, в свою очередь, также не способствовало развитию исследований переводческой креативности, поскольку все трансформации, описываемые сопоставительной стилистикой, обусловлены различиями языковых структур ИЯ и

ПЯ и сводятся к выбору языковых форм. Обращение переводоведения к вопросам и методам лингвистики текста, обосновывающей необходимость досконального предпереводческого анализа ИТ, который позволяет определить прагматику ИТ и декодировать все элементы его содержания, реализованные лингвистическими средствами, также исключает креативность из поля зрения в силу невозможности ее постижения рациональными методами [Balacescu, Stefanink 2003: 513]. Пройдя описанные выше стадии, теория перевода обратилась к изучению проблемы креативности только в 1990-е гг. – в рамках функционального подхода к исследованиям перевода.

Основоположником направления, посвященного исследованию переводческой креативности, стал немецкий теоретик перевода и лингвист П. Куссмауль, чей цикл работ (1991–2007 гг.) по сегодняшний день считается наиболее значимым вкладом в данную область переводоведения. Впоследствии к теме креативности в переводе стали обращаться другие ученые: Й. Балаческу (Румыния) и Б. Штефанинк (Германия), Ж. Бастен, Ж. Дансетт, М. Фонтане (Франция), Г. Байер-Хоенвартер (Германия), А. Гербероф-Аренас и А. Тораль-Руис (Нидерланды), А. Гербероф-Аренас, С. Вальдес и А. Г. Дорст (Нидерланды); М. Кодура (Польша); Л. Хьюсон (Швейцария), С. Ы. Чо (Южная Корея) и др. [Balacescu, Stefanink 2003, 2005, 2015; Bastin 2003; Bayer-Hohenwarter 2011; Cho 2006; Dancette, Audet, Jay-Rayon 2007; Fontanet 2005; Guerberof-Arenas, Toral Ruiz 2022; Guerberof-Arenas, Valdez, Dorst 2024; Kodura 2024; Hewson 2016, 2017]. Исследования последних 20 лет основываются преимущественно на функциональном подходе к изучению перевода (скопос-теория), используют методы процессоориентированного подхода к получению экспериментальных данных (think-aloud protocols, ретроспективный опрос, разговорный анализ) и включают методы и понятийно-категориальный аппарат смежных научных дисциплин: когнитивной науки, психологии, герменевтики.

Среди основных аспектов исследований переводческой креативности можно выделить следующие: моделирование креативного процесса, выявление природы переводческой креативности, описание креативного переводческого решения, оценка и количественное измерение креативности, выделение качеств креативного переводчика и др. В целом все вышеперечисленные аспекты объединены общей целью – дидактической – и в конечном итоге направлены на разработку техник и методов обучения переводу, способствующих развитию переводческой креативности.

Многие исследователи переводческой креативности, вслед за психологом Д. Гилфордом, сходятся во мнении, что креативность следует рассматривать в рамках деятельности по решению проблем (“problem solving activity”) [Guilford 1971: 312]. Творческое мышление в терминах деятельности по решению проблем также рассматривается в работах А. Н. Леонтьева [Леонтьев 2001: 399]. В этой связи комплексное описание результатов проведенных исследований переводческой креативности с точки зрения деятельности по решению проблем и принятию решений представляется закономерным и актуальным. С одной стороны, это позволит систематизировать уже имеющиеся знания о переводческой креативности, а с другой – дополнить представление о переводе как процессе принятия решений описанием *креативного решения*.

Какое переводческое решение можно считать креативным?

Научная литература не дает единого и четкого определения креативности. Предлагаемые на сегодняшний день дефиниции схожи в том, что они связывают креативность с двумя ее фундаментальными характеристиками: *новизной* и *адекватностью* решаемой проблеме.

Вайсберг (1986): «Креативное решение проблемы должно соответствовать двум критериям: оно должно быть *новым* и *решать поставленную задачу*»¹ [Weisberg 1986: 139–142].

Куссмауль (1995): «Креативный продукт должен быть *новым* и содержать элемент неожиданности, он должен быть *уникальным* или, по крайней мере, *необычным*, но в то же время он, конечно, должен *удовлетворять определенным требованиям и вписываться в реальность*» [Kusmaul 1995: 39].

Куссмауль (1998): «продукты <...> должны быть *новыми* в том или ином смысле, а также <...> *адекватными поставленной задаче*» [Kusmaul 1998: 118].

Определение креативности через «новизну» затрудняет применение этого понятия в исследованиях перевода. В переводе параметр новизны предполагает двойное понимание: новизна как 1) характеристика конечного продукта по отношению к ИТ и 2) как характеристика принимаемого переводчиком решения, предполагающая отступление от привычных рамок мышления. Представленные выше определения подтверждают эту двойственность: креативность в них определяется как свойство, с одной стороны, «креативного продукта», а с другой – «креативного решения».

В существующих исследованиях переводческой креативности двойственная природа объекта приводит к двум сопутствующим тенденциям:

описанию природы креативности через оппозицию категорий «вольности» и «буквальности» и через описание когнитивных процессов, лежащих в основе примененных переводческих трансформаций.

Некоторые исследователи, например Т. А. Фесенко (2005), рассматривают креативность как «градуированное» понятие. Параметр новизны в ее концепции обратно пропорционален степени *формального* соответствия ИТ и переводного текста (ПТ) и носит переменный характер – как и креативность, которая положительно коррелирует с параметром новизны. По мнению Фесенко, даже минимальные грамматические трансформации придают ПТ определенную степень креативности, так как «привносят что-то новое». При этом автор отмечает, что в случае с семантическими и прагматическими трансформациями креативность имеет когнитивную природу, поскольку данные виды трансформаций являются следствием *top-down* и *bottom-up* процессов, связанных с особым характером понимания переводчиком ИТ [Фесенко 2005: 50].

Схожий подход можно увидеть в исследовании Г. Байер-Хоенвартер (2011), которая предпринимает попытку количественно измерить переводческую креативность. Автор использует в этой связи термин “creative shifts” («креативная трансформация») для обозначения элементов ПТ, которые с точки зрения языковой структуры отличаются от элементов ИТ, а креативность определяет как способность переводчика к созданию таких элементов. Креативными Байер-Хоенвартер считает элементы ПТ, которые основаны на таких трансформациях, как «абстракция», «модификация» или «конкретизация»², поскольку они требуют от переводчика больше когнитивных усилий, чем буквальный перевод. Понимание креативности через отход от буквального перевода Байер-Хоенвартер объясняет «рефлексом дословного перевода» (“the literal translation reflex”), который, по мнению автора, представляет собой некую когнитивную универсалию [Bayer-Hohenwarter 2011: 667].

Подобная неоднозначность в определении объекта вызывает вопросы. Если креативность характеризуется степенью соответствия элементов смысла ИТ элементам смысла ПТ, может ли креативным решением, к примеру, считаться каждый случай многократного воспроизведения одного и того же решения – даже когда проблема перестает представлять сложность для переводчика? Если креативность рассматривается с точки зрения переводческого решения, может ли считаться решение проблемы, вынуждающей начинающего переводчика прилагать значительные усилия, а более опытного – нет, креативным в обоих случаях?

Психологи Д. Н. Джексон и С. Мессик (1967) в этой связи выделяют, помимо вышеперечисленных, еще две характеристики креативности: *факт преодоления препятствия* (“transformation of constraint”) и конденсацию [смысла] (“condensation”) [Balacescu, Stefanink 2003: 512]. Психолог А. Кестлер (1964), автор исследования способов создания новых идей, определяет креативность через ее свойство *способствовать сближению концептуально далеких элементов*. Ему принадлежит термин «биссоциация» для характеристики креативного мышления как оппозиции «рутинному» мышлению [Fontanet 2005: 434]. Оба определения включают идею «внутреннего преодоления», затрагивая когнитивную сторону креативности, но одновременно с этим предполагают создание такого продукта, который качественно превосходит сумму составляющих его элементов. Следовательно, характеризуя конкретное переводческое решение как креативное, следует принимать во внимание двойственную природу параметра новизны и применять его к оценке как процесса, так и результата перевода; при этом, на наш взгляд, целесообразно не размывать понимание креативности до характеристики любого переводческого решения.

Креативное решение в типологии переводческих решений

Значительная роль в переводческом процессе отводится принятию решений (ПР). Деятельность переводчика по решению проблем ненулевой степени сложности определяется законами системы ПР, состоящей из таких элементов, как этапы ПР, типы решений, единица ПР, ограничения, критерии выбора альтернатив, а также имеет свои особенности целеполагания и задействует определенные психические процессы [Воюцкая 2021: 9]. Для установления статуса креативного решения в системе принятия переводческих решений мы предпримем попытку определить место креативного решения в типологии переводческих решений, выявить особенности целевой регуляции креативного решения и описать психические процессы, задействованные в принятии креативного решения, на основе результатов исследований переводческой креативности, опубликованных за последние 20 лет.

Проведенное нами исследование позволило выявить 13 этапов ПР в переводе.

1. Выявление проблемы.
2. Описание, прояснение структуры проблемы.
3. Сбор информации.
4. Размышления о выборе подхода к решению проблемы.
5. Поиск альтернативных вариантов.
6. Момент выбора.

7. Поведение после момента выбора: сомнение.

8. Поведение после момента выбора: отказ от старых альтернатив.

9. Поведение после момента выбора: поиск новых альтернатив.

10. Поведение после момента выбора: возвращение к старому решению (может быть многократным).

11. Поведение после момента выбора: принятие нового решения.

12. Поведение после момента выбора: отказ от принятия решения.

13. Решение вернуться к началу, начать новый поиск [Воюцкая 2021: 15].

В ходе исследования было установлено, что переводчик не обязательно проходит все вышеперечисленные этапы в указанной последовательности; более того, решение может состоять только из одного этапа ПР, а может включать значительное количество этапов (в том числе за счет их повторов). Повышение количества этапов ПР способствует увеличению объема прилагаемых интеллектуальных усилий.

В зависимости от количества интеллектуальных усилий мы выделяем 4 типа переводческих решений (в соответствии с типологией решений Свенсона):

- 1) рутинное (или автоматическое) решение (*routinized decision*);
- 2) стереотипное (*stereotype decision*);
- 3) рефлексивное (*reflected decision*);
- 4) конструируемое решение (*constructed decision*).

Тип решения зависит от степени сложности проблемы для переводчика, которая на уровне принятия решения определяется количеством и качеством реализованных в конкретной ситуации этапов ПР. *Автоматические* решения основаны на опыте многократного решения конкретной проблемы в прошлом, не вербализуются в протоколах think aloud и, соответственно, не требуют участия сознания и предполагают нулевой объем затрачиваемых интеллектуальных усилий. *Стереотипные* решения основаны на опыте решения подобной проблемы в прошлом; они характеризуются незначительным объемом интеллектуальных усилий, обычно направленных либо на поиск немногочисленных альтернативных вариантов, либо на оценку окончательного решения. Принимая решение такого типа, переводчик обычно не анализирует исходы каждой альтернативы, а выбирает одну в соответствии со своим субъективным ощущением. *Рефлексивное* решение требует привлечения большого объема интеллектуальных усилий, направленных на поиск релевантной информации из внутренних или внешних источников и рационализацию пробле-

мы. Решение такого типа принимается переводчиком в случае возникновения препятствия и характеризуется значительной вербализацией в протоколах think aloud. *Конструируемое* решение требует создания новой когнитивной схемы. Принятие такого типа решения происходит в случае отсутствия у переводчика понимания структуры проблемы и/или модели решения подобной проблемы в прошлом и, следовательно, предполагает значительный объем интеллектуальных усилий, направленных на прояснение и описание структуры проблемы, выбор подхода к ее решению и привлечение к процессу ПР внешних источников информации. В результате такое решение основывается не на предыдущем опыте, а на новом знании [Воюцкая 2021: 14].

Для описания креативного решения с точки зрения прилагаемых переводчиком интеллектуальных усилий представляет интерес концепция П. Куссмауля, который описывает процесс перевода как процесс чередования *рутинных* и *нерутинных, или креативных, процедур*; причем и те, и другие одинаково важны в переводческой деятельности. Куссмауль отмечает, что переключение между рутинными и креативными процедурами происходит в случае возникновения проблемы; тогда скорость перевода замедляется и переводчик начинает применять стратегии по решению проблемы³. Усвоение и реализацию таких стратегий Куссмауль связывает с опытом; более того, он отмечает, что у профессиональных переводчиков они могут в некоторых случаях рутинизироваться и автоматизироваться [Kusmaul 2005: 378–379].

В исследовании Байер-Хоенвартер также проводится связь переключений между рутинными и креативными процедурами с опытом переводчика. Автор отмечает, что в среднем количество креативных трансформаций в переводах студентов сопоставимо с переводами профессиональных переводчиков, однако последние лучше понимают, какие ситуации требуют креативного решения, а в каких достаточно использования рутинных процедур, иными словами, они лучше владеют навыком экономии усилий (“*effort-saving reproductions*”). Байер-Хоенвартер вводит в этой связи термин “*creativity-routine balance*” («баланс между рутинными и креативными процедурами»), подчеркивая, что имеет значение не количество креативных трансформаций, а понимание, в каких случаях переводчику необходимо принимать креативное решение, а в каких – нет [Bayer-Hohenwarter 2011: 686]. Проведенное нами экспериментальное исследование переводческого процесса также подтверждает, что одна и та же проблема может представлять разную, в том числе нулевую, сложность для разных пере-

водчиков, активизируя как рутинные, так и нерутинные процедуры в зависимости от переводчика [Воюцкая 2021: 22].

Поскольку *автоматические* и *стереотипные* решения не включают этапы ПР, связанные с поиском стратегий для решения проблемы, мы можем отнести их к так называемой переводческой рутине. Возникновение препятствия, требующего от переводчика прояснения структуры проблемы и поиска стратегий для ее решения, предполагает принятие *рефлексивного* или *конструированного* решения. Результаты экспериментальных исследований Куссмауля и Байер-Хоенвартер показывают, что сложность проблемы, требующей креативного решения, может снижаться по мере приобретения переводческого опыта – как и, соответственно, количество интеллектуальных усилий, необходимых для решения проблемы. Выявив сложную проблему, переводчик может тратить меньше усилий на прояснение ее структуры и выбора подхода к ее решению (этапы ПР 2 и 4) в случае усвоения определенных креативных стратегий. Владение такими стратегиями может снижать неопределенность ситуации для обучающегося, уменьшая чувство бессилия и повышая мотивацию вследствие осознания собственных возможностей решить проблему (Куссмауль в этой связи утверждает, что уверенность способствует креативному переводу [Fontanet 2005: 437]). Результаты исследования Балаческу и Штефанинка показывают, что студенты применяют креативные стратегии, сформированные на разборе частных случаев в рамках практических занятий по письменному переводу, для решения других проблем [Balacescu, Stefanink 2005]. Таким образом, с точки зрения ПР мы можем говорить о том, что при усвоении определенных переводческих стратегий креативное решение конкретной проблемы может менять свой тип в сторону понижения уровня сложности, а с точки зрения дидактики перевода – что креативные стратегии в письменном переводе можно и целесообразно тренировать. Методическая разработка таких стратегий частично представлена в существующей научной литературе, однако мы считаем необходимыми дальнейшие исследования в данном направлении.

Целевая регуляция креативного решения

Согласно А. Н. Леонтьеву, творческий процесс задается такими взаимосвязанными факторами, как *мотивация* и *целесообразование*, а обязательным критерием творческого решения выступает «нахождение, открытие адекватной условиям системы операций, нахождение способов решения» [Леонтьев 2001: 399]. Такое понимание креативного решения противопоставляет его ре-

шению рутинному, поскольку креативное решение проблемы необходимо в том случае, когда подход к решению проблемы не определен, а способы ее решения неизвестны. Решение подобной проблемы требует применения значительного объема интеллектуальных усилий и, соответственно, может иметь место только при наличии высокой мотивации и корректно поставленной цели.

Мотивация при принятии решения обусловлена следованием переводчика одному из двух принципов: *приемлемости* или *предпочтительности* исхода. Вид мотивации при принятии конкретного решения, а также индивидуальная оценка переводчиком степени сложности и важности конкретной проблемы определяют количество усилий, которое он готов затратить на ее решение [Воюцкая 2021: 23].

Й. Балаческу и Б. Штефанинк (2015), изучая методом конверсационного анализа переводы студентов и выполняя собственные переводы, подтверждают выводы исследователей креативности, согласно которым в основе мотивации любого креативного решения лежит *неудовлетворенность* и готовность приложить значительные интеллектуальные усилия для принятия другого решения. Вслед за Ф. Пепке, они характеризуют переводческий процесс как «интеллектуальную аскезу», обусловленную «насушной потребностью в ежедневных усилиях» [Paercke, Forget 1981]. Только чувствительность к неудовлетворенности от собственных переводческих решений и готовность ее преодолеть может обеспечить переводчику такую степень близости (“*intimité*”) и эмпатии (“*empathie*”) по отношению к тексту, которая позволит ему прийти к пониманию ИТ на уровне гадамеровского «слияния горизонтов», без которого невозможно принятие креативного решения [Balacescu, Stefanink 2015: 608].

Такое понимание мотивированности креативного решения позволяет нам утверждать, что принятие креативного решения возможно только в случае, если переводчик руководствуется принципом предпочтительности (а не приемлемости) исхода, не удовлетворяясь рутинным решением, и ищет наилучший способ решения проблемы, а также если важность проблемы он оценивает как высокую. При этом для переводчика важно осознавать, в каких ситуациях креативного решения проблемы не требуется, и руководствоваться при необходимости принципом приемлемости исхода в целях рациональной экономии усилий. Это возможно благодаря адекватному целеполаганию – навыку, который зависит от опыта и который, следовательно, возможно тренировать.

В исследованиях Дж. Гетцельс и М. Чиксентмихайи (1976) и Т. Амабайл (1996) проводится связь между неудовлетворенностью собственным решением и признанием наличия проблемы: «выявление проблем предполагает признание факта наличия проблемы, поиск слабых мест, несоответствий или недостатков по сравнению с текущим состоянием» [Lubart 2000–2001: 297]. С точки зрения ПР это означает, что принятие креативного решения должно обязательно включать этап *выявления проблемы* (первый этап ПР). Этот факт позволяет исключить автоматические и рутинные решения из спектра креативных решений, а также рассматривать умение выявлять проблемы как один из компонентов переводческой компетенции, который должен учитываться при составлении дидактических материалов по обучению переводу.

Психические процессы, лежащие в основе принятия креативного решения

В литературе, посвященной переводческой креативности, предлагается не рассматривать перевод в целом как креативный процесс, а разделять *креативное перевыражение* и *креативное понимание/восприятие* (два этих термина в некоторых исследованиях используются как синонимы) [Bastin 2003; Dancette, Audet, Jay-Rayon 2007; Fontanet 2005].

В широком смысле креативное понимание определяется многими исследователями как когнитивная деятельность по объединению концептуально далеких элементов в нечто целое. Ж. Дансетт рассматривает креативное понимание как «способность интегрировать и сочетать разрозненные, даже несочетаемые элементы смысла (семантические, референциальные, синтаксические, стилистические, фонетические, визуальные и т.д.) и превращать их в лаконичный (уникальный) и связный продукт» [Dancette, Audet, Jay-Rayon 2007: 116].

Балаческу и Штефанинк [Balacescu, Stefanink 2003, 2005, 2015] описывают креативное понимание в терминах когнитивной лингвистики и определяют его как процесс согласования межъязыковых и межкультурных расхождений, обусловленных различиями знаний и представлений людей, принадлежащих к разным лингвокультурам, на основе лингвистической категоризации и концептуализации. В своей концепции креативного понимания они объединяют различные лингвокогнитивные теории: фреймовую теорию Ч. Филмора, теорию «латерального мышления» де Боно, теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, ассоциативную теорию творчества С. Медника, теорию прототипов Э. Рош, теорию «дивергентного мышления» Дж. Гилфорда, ко-

гнитивную грамматику Р. Лангакера, теорию «динамической памяти» Р. Шранка, исследования памяти Дж. Эйчисон. Согласно концепции Балаческу и Штефанинка, фрагмент ИТ представляет собой лингвистический фрейм, вызывающий в сознании переводчика сцену, которая содержит набор прототипических (центральных) элементов, организованных согласно принципу соположения фигуры и фона (“figure/ground alignment”). В случае, когда прототипические отношения между фигурой и фоном в ИТ и в языке и культуре переводчика не совпадают, возникает проблема. Чтобы ее решить, переводчик должен изменить угол зрения, иначе центрировав элементы сцены и выбрав в качестве ключевого другой, более периферийный элемент – в соответствии с принципом латерального (у де Боно) / дивергентного (у Гилфорда) мышления. С точки зрения принятия переводческого решения креативное понимание в концепции Балаческу и Штефанинка прежде всего обуславливает *выявление проблемы* – первый этап ПР в переводе. Тот факт, что элементы конкретной сцены в исходной и переводящей культурах могут быть центрированы по-разному, не является очевидным и предполагает наличие у переводчика достаточного опыта и знаний, без которых проблема может быть не выявлена и креативное (или по крайней мере адекватное) решение будет невозможно. Описание проблемы с точки зрения лингвокогнитивной категоризации и концептуализации можно характеризовать как второй этап ПР – *описание, прояснение структуры проблемы*, который при необходимости может сопровождаться *сбором информации* – третьим этапом ПР. Решение об изменении фокуса и необходимости поиска другого элемента семантического поля характеризует четвертый этап ПР – *размышления о выборе подхода к решению проблемы*. Таким образом, только в случае прохождения переводчиком вышеперечисленных этапов ПР возможно *формирование поля альтернативных вариантов* (пятый этап ПР), которые бы удовлетворяли обязательным критериям креативного решения: новизне и адекватности проблеме. Дальнейшие исследования могут быть направлены на определение того, какие из вышеперечисленных этапов ПР возможно тренировать (или даже автоматизировать), чтобы креативное решение представляло более низкую сложность для переводчика и чтобы процесс ПР происходил быстрее.

Согласимся с Балаческу и Штефанинком в том, что изучение механизмов, лежащих в основе креативного понимания, должно быть включено в практические занятия по письменному переводу. Во-первых, такой подход к обучению переводу демистифицирует для студентов само понятие

креативности, а во-вторых, регулярная практика применения подобных механизмов в письменном переводе способствует формированию у студентов ассоциативных структур, позволяющих генерировать новые креативные решения, и, соответственно, пониманию того, что креативности можно научиться.

Выводы

Обобщая вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что изучение переводческой креативности относится к перспективным направлениям развития теории перевода. Внедрение перспективы принятия решений в исследования переводческой креативности позволяет четче определить само понятие переводческой креативности, систематизировать существующие знания о ней и описать свойства креативного решения.

На уровне ПР в переводе креативное решение представляет собой особый тип решения повышенной сложности: оно может относиться к рефлексивному или конструированному (наиболее сложным) типу решений в зависимости от разных факторов, среди которых переводческий опыт и владение креативными стратегиями. Сложность креативного решения обусловлена тем фактом, что проблема, требующая креативного решения, связана с необходимостью сближения концептуально далеких элементов. В основе мотивированности креативного решения лежит неудовлетворенность, выражающаяся при принятии решения в следовании переводчиком принципу предпочтительности исхода и побуждающая переводчика задействовать для решения проблемы значительный объем интеллектуальных усилий. Одним из признаков креативного решения является наличие в цепочке ПР этапа выявления проблемы, сложность которой определяется переводчиком как высокая. Дальнейшие размышления о проблеме могут реализовываться на основе механизмов, лежащих в основе креативного понимания – процессов лингвистической категоризации и концептуализации, и завершаться нахождением такого решения, которое не является очевидным, но при этом адекватно решаемой проблеме и вызывает чувство удовлетворенности у принимающего решение переводчика.

Мы считаем, что перспективные исследования могут быть направлены на установление процедур, лежащих в основе оценки переводчиком адекватности принятого решения; описание ограничений, формирующих контекст принятия креативного решения; выявление особенностей креативной репродукции; установление связи рутинных и креативных процедур со стратегиями буквального и вольного перевода. Решение данных вопросов позволит сформулировать мето-

дические рекомендации по включению аспекта креативности в разработку дидактических материалов по обучению письменному переводу в целях более эффективной подготовки переводчиков.

Примечания

¹При цитировании англоязычных источников здесь и далее по тексту используется перевод автора.

²Байер-Хоенвартер применяет термины “abstractions”, “modifications”, “concretizations”; по сути, данные трансформации совпадают с группой лексико-семантических замен (генерализация, модуляция и конкретизация) в типологии В. Н. Комиссарова.

³Следует обратить внимание на то, что оппозиция рутинных и нерутинных процедур не равнозначна оппозиции буквального и вольного перевода; сведение одного к другому возможно не во всех случаях и может привести к чрезмерно упрощенному пониманию переводческого процесса. Исследователь перевода Л. Хьюсон критикует в этой связи идею П. Ньюмарка (1988) о том, что буквальный перевод представляет собой стратегию, которую переводчик использует «по умолчанию», пока результат оказывается приемлемым, а также все основанные на таком понимании модели, диктующие, что креативное решение начинается в случае, когда переводчик отходит от буквального перевода. Хьюсон приводит в пример абстрактного англоязычного переводчика, который переводит отглагольные существительные глаголами, и высказывает предположение, что подобные трансформации могут быть обусловлены «рефлексом» носителя английского языка, а не стремлением к креативности [Hewson 2017: 511].

Список литературы

Воюцкая А. А. Перевод как процесс принятия решений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 26 с.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

Мороз В. В. Обзор зарубежных теорий креативности // Вестник ОГУ. 2016. № 12 (200). С. 35–41.

Фесенко Т. А. Креативность и проблемы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (004). С. 49–54.

Balacescu I., Stefanink B. Apports du cognitivisme à l'enseignement de la créativité en traduction // Meta. 2005. № 50 (4). doi 10.7202/019828ar

Balacescu I., Stefanink B. Les cheminements de la créativité en traduction // Meta. 2015. № 60 (3). P. 599–620. doi 10.7202/1036145ar

Balacescu I., Stefanink B. Modèles explicatifs de la créativité en traduction // Meta. 2003. № 48 (4). P. 509–525. doi 10.7202/008723ar

Bastin G. L. Aventures et mésaventures de la créativité chez les débutants // Meta. 2003. № 48 (3). P. 347–360. doi 10.7202/007595ar

Bayer-Hohenwarter G. “Creative Shifts” as a means of measuring and promoting translational creativity // Meta. 2011. № 56 (3). P. 663–692. doi 10.7202/1008339ar

Cho S.-E. Translator’s creativity found in the process of Japanese-Korean translation // Meta. 2006. № 51 (2). P. 378–388. doi 10.7202/013263ar

Dancette J., Audet L., Jay-Rayon L. Axes et critères de la créativité en traduction // Meta. 2007. № 52 (1). P. 108–122. doi 10.7202/014726ar

Fontanet M. Temps de créativité en traduction. // Meta. 2005. № 50 (2). P. 432–447. doi 10.7202/010992ar

Guerberof-Arenas A., Toral Ruiz A. Creativity in translation: machine translation as a constraint for literary texts // Translation Spaces. 2022. № 11 (2). P. 184–212. doi 10.1075/ts.21025.gue

Guerberof-Arenas A., Valdez S., Dorst A. G. Does training in post-editing affect creativity? // JoSTrans – The Journal of Specialized Translation. 2024. № 41. P. 74–97. doi 10.26034/cm.jostrans.2024.4712

Guilford J. P. The Nature of Human Intelligence. London: McGraw-Hill, 1971. 566 p.

Hewson L. Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire // Meta. 2017. № 62 (3). P. 501–520. doi 10.7202/1043945ar

Hewson L. Creativity in translator training: Between the possible, the improbable and the (apparently) impossible // Linguaculture. 2016. № 7 (2). P. 9–25. doi 10.1515/lincu-2016-0010

Kodura M. Activating creativity in translation training courses through song translation // Studia Translatorica. 2024. № 15. P. 281–297. doi 10.23817/strans.15-14

Kussmaul P. Training the Translator. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995. 176 p.

Kussmaul P. Types of creative translating // Translation in Context. / ed by A. Chesterman, N. Gallardo San Salvador and Y. Gambier. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1998. P. 117–126.

Kußmaul P. Translation through visualization // Meta. 2005. № 50 (2). P. 378–391. doi 10.7202/010943ar

Lubart T. I. Models of the creative process: past, present and future // Creativity Research Journal. 2000-2001. № 13-3/4. P. 295–308.

Paepcke F., Forget P. Textverstehen und Übersetzen – Ouvertures sur la traduction. Heidelberg: Groos, 1981. 150 p.

Weisberg R. W. *Creativity: Genius and Other Myths*. New York: W. H. Freeman and Company, 1986. 169 p.

References

- Voyutskaya A. A. *Perevod kak protsess prinyatiya resheniy*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Translation as a decision-making process. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2021. 26 p. (In Russ.)
- Leontiev A. N. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 511 p. (In Russ.)
- Moroz V. V. *Obzor zarubezhnykh teoriy kreativnosti* [Review of foreign theories of creativity]. *Vestnik OGU* [Vestnik of the Orenburg State University], 2016, issue 12 (200), pp. 35-41. (In Russ.)
- Fesenko T. A. *Kreativnost' i problemy perevoda* [Creativity and problems of translation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2005, issue 1 (004), pp. 49-54. (In Russ.)
- Balacescu I., Stefanink B. *Apports du cognitivisme à l'enseignement de la créativité en traduction* [Contributions of cognitivism to the teaching of creativity in translation]. *Meta*, 2005, issue 50 (4). doi 10.7202/019828ar. (In Fr.)
- Balacescu I., Stefanink B. *Les cheminements de la créativité en traduction* [The paths of creativity in translation]. *Meta*, 2015, issue 60 (3), pp. 599-620. doi 10.7202/1036145ar. (In Fr.)
- Balacescu I., Stefanink B. *Modèles explicatifs de la créativité en traduction* [Explanatory models of creativity in translation]. *Meta*, 2003, issue 48 (4), pp. 509-525. doi 10.7202/008723ar. (In Fr.)
- Bastin G. L. *Aventures et mésaventures de la créativité chez les débutants* [Adventures and misadventures of creativity in beginners]. *Meta*, 2003, issue 48 (3), pp. 347-360. doi 10.7202/007595ar. (In Fr.)
- Bayer-Hohenwarter G. *'Creative Shifts' as a means of measuring and promoting translational creativity*. *Meta*, 2011, issue 56 (3), pp. 663-692. doi 10.7202/1008339ar. (In Eng.)
- Cho S.-E. *Translator's creativity found in the process of Japanese-Korean translation*. *Meta*, 2006, issue 51 (2), pp. 378-388. doi 10.7202/013263ar. (In Eng.)
- Dancette J., Audet L., Jay-Rayon L. *Axes et critères de la créativité en traduction* [Axes and criteria of creativity in translation]. *Meta*, 2007, issue 52 (1), pp. 108-122. doi 10.7202/014726ar. (In Fr.)
- Fontanet M. *Temps de créativité en traduction* [Time for creativity in translation]. *Meta*, 2005, issue 50 (2), pp. 432-447. doi 10.7202/010992ar. (In Fr.)
- Guerberof-Arenas A., Toral Ruiz A. *Creativity in translation: machine translation as a constraint for literary texts*. *Translation Spaces*, 2022, issue 11 (2), pp. 184-212. doi 10.1075/ts.21025.gue. (In Eng.)
- Guerberof-Arenas A., Valdez S., Dorst A. G. *Does training in post-editing affect creativity?* *JoSTrans - The Journal of Specialized Translation*, 2024, issue 41, pp. 74-97. doi 10.26034/cm.jostrans.2024.4712. (In Eng.)
- Guilford J. P. *The Nature of Human Intelligence*. London, McGraw-Hill, 1971. 566 p. (In Eng.)
- Hewson L. *Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire* [The paradoxes of creativity in literary translation]. *Meta*, 2017, issue 62 (3), pp. 501-520. doi 10.7202/1043945ar. (In Fr.)
- Hewson L. *Creativity in translator training: Between the possible, the improbable and the (apparently) impossible*. *Linguaculture*, 2016, issue 7 (2), pp. 9-25. doi 10.1515/lincu -2016-0010. (In Eng.)
- Kodura M. *Activating creativity in translation training courses through song translation*. *Studia Translatorica*, 2024, issue 15, pp. 281-297. doi 10.23817/strans.15-14. (In Eng.)
- Kussmaul P. *Training the Translator*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1995. 176 p. (In Eng.)
- Kussmaul P. *Types of Creative Translating*. *Translation in Context*. Ed. by A. Chesterman, N. Gallardo San Salvador, and Y. Gambier. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1998, pp. 117-126. (In Eng.)
- Kußmaul P. *Translation through visualization*. *Meta*, 2005, issue 50 (2), pp. 378-391. doi 10.7202/010943ar. (In Eng.)
- Lubart T. I. *Models of the creative process: Past, present and future*. *Creativity Research Journal*, 2000-2001, issue 13-3/4, pp. 295-308. (In Eng.)
- Paepcke F., Forget P. *Textverstehen und Übersetzen – Ouvertures sur la traduction* [Text Comprehension and Translation – Openings on Translation]. Heidelberg, Groos, 1981. 150 p. (In Germ.)
- Weisberg R. W. *Creativity: Genius and Other Myths*. New York, W. H. Freeman and Company, 1986. 169 p. (In Eng.)

Creative Dimensions of Decision-Making in Translation

Alexandra A. Voyutskaya

Associate Professor in the Department of Translation Theory and Methodology

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia. vaniteuse@inbox.ru

SPIN-code: 2661-9905

Submitted 13 Aug 2025

Revised 27 Oct 2025

Accepted 10 Nov 2025

For citation

Voyutskaya A. A. Kreativnost' kak kharakteristika perevodcheskogo resheniya [Creative Dimensions of Decision-Making in Translation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2026, vol. 18, issue 1, pp. 25–34. doi 10.17072/2073-6681-2026-1-25-34. EDN WIJGQK (In Russ.)

Abstract. This article investigates creativity as a fundamental component of professional translation practice, analyzing its manifestations in the decision-making process. The study systematically examines contemporary theoretical approaches to translation creativity developed in both Western and Russian academic traditions, with particular focus on four defining characteristics of creativity: (1) novelty of the solution, (2) its functional adequacy, (3) the translator's ability to overcome constraints, and (4) the capacity to bridge conceptually distant elements. The research presents a comprehensive typology of translation decisions that positions creative decisions within the spectrum of the most complicated ones: reflected (requiring conscious analysis) and constructed (implying innovative problem-solving). The study demonstrates how these decision types are influenced by multiple factors including the translator's professional experience, motivation patterns, goal-setting abilities, and repertoire of strategic approaches. Analysis of empirical data reveals that the cognitive complexity of creative solutions evolves throughout a translator's career development. Another contribution of this work is its critical examination of the conventional "free vs. literal translation" dichotomy. The article argues that this binary framework fails to consider the complexity of creative decision-making in professional contexts. Instead, the author proposes a multidimensional model that incorporates: (1) cognitive processing mechanisms, (2) situational and contextual constraints, and (3) the dynamic nature of professional translation practice. This model provides a more nuanced understanding of how creativity actually functions in translation processes. For researchers, the study offers a structured framework for investigating translation creativity. For educators, it provides evidence-based insights for developing creative competencies. For practitioners, it suggests concrete approaches to enhancing decision-making skills.

Key words: translation creativity; translation decision; decision-making; translation training; linguistic categorization and conceptualization.